

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1951

ЛЕНИНГРАД

А. Н. Кононов

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРОШЕДШЕГО КАТЕГОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Вопрос о происхождении тюркской глагольной формы типа:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	<i>яз-ды-м</i> я (на)писал	<i>яз-ды-к (-м-ыз)</i> мы (на)писали
2-е л.	<i>яз-ды-ң (-н, -б)</i>	<i>яз-ды-ң (-н, -б)-ыз (-ар)</i>
3-е л.	<i>яз-ды</i>	<i>яз-ды-лар,</i>

единой номенклатуры для которой в тюркологической литературе не установлено (чаще: прошедшее-категорическое), занимал и занимает многих тюркологов.

Всех ученых, исследовавших состав этой формы, интересовали два вопроса:

1) как объяснить афф. *-ды* в составе этой формы (напр.: *яз-ды*, где *яз* — основа глагола 'писать'), через присоединение к которому аффиксов принадлежности (*-м, -ң* и т. д.) образуются личные формы одного из тюркских прошедших времен;

2) как объяснить форму 1-го л. мн. ч., где показателем лица выступает афф. *-к, -к* вместо ожидаемого по схеме афф. *-мыз*, который встречается в образовании 1-го л. мн. ч. этого времени только в некоторых языках и диалектах.

Подробный разбор попыток разъяснения состава этой формы до 1900 г. приведен в классическом труде П. М. Мелиоранского «Араб-филолог о турецком языке»;¹ для полноты библиографических сведений можно добавить, пожалуй, еще одно замечание, вскользь брошенное В. Шоттом, о том, что примета этого времени восходит к элементу *-d*, являющемуся звонкой разновидностью аффикса *-m*, служащего показателем *Participium præteritum* в венгерском языке: *ir-t* 'geschrieben' *irtam* 'ich schrieb' = тур. *яз-дум*.²

Сам П. М. Мелиоранский дважды высказывал свои предположения о составе интересующей нас формы: «приведенные формы (*бардым* и т. д., —

¹ СПб., 1900, стр. LXIX—LXXII.

² W. Schott. Versuch über die tatarischen Sprache. Berlin, 1836, стр. 43.

А. К.) состоят из некоторых „временных основ“ (*бард* или *барды*);¹ „временной основой“ прошедшего категорического является некое отглагольное имя на *-ды* (*-ты*).²

Авторы дальнейших попыток разъяснения состава этой формы возводят ее «временную основу» к отглагольным именам на *-ыт* (К. Броккельман), на *-ат* (В. Банг), на *-дык* (Ж. Дени, К. Броккельман);³ отметим, что за 70 лет до Дени и Броккельмана предположение, возводящее «временную основу» к отглагольному имени на *-дык*, было высказано О. Н. Бётлингком и подверглось критике П. М. Мелиоранского.⁴ Предположения Броккельмана и Банга тоже оказываются не оригинальными, если вспомнить приведенные выше высказывания Шотта и особенно Мелиоранского (*бард*).

Предположение, возводящее «временную основу» этой формы к отглагольному имени на *-ыт*, разделяют В. М. Насилов⁵ и Н. К. Дмитриев, который добавляет, что формы типа **алыт-ым > алт-ым > алд-ым* ‘мое взятие’ «синтаксически... как и всякие формы принадлежности, могли реализоваться в предложении при посредстве специфических слов *бар* (= *вар*. — А. К.), *жок*... В дальнейшем произошло, очевидно, отбрасывание *бар* (*вар*) и *жок*.⁶

Предположение, возводящее «временную основу» этой формы к отглагольному имени на *-дык*, находит поддержку в изысканиях А. П. Поцелуевского,⁷ по мнению которого туркменские материалы вполне подтверждают предположение о происхождении формы *алдым < алдызум*.⁸

Таким образом, все опубликованные до настоящего времени предположения разъясняют состав этой формы так: отглагольное имя (с аффиксами *-дык*, или *-ды*, или *-ыт* || *-ат*) + аффиксы принадлежности.

Новое и совершенно оригинальное объяснение предлагает С. Е. Малов, сопоставляющий аффикс *-ды* (в составе формы типа *яз-ды*) с деепричастием на *-ты*, встречающимся в древнетюркских памятниках. Таким образом, по мнению С. Е. Малова, в основе этой формы лежит деепричастие, что находит себе поддержку в образовании некоторых других времен изъяви-

¹ П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I. СПб., 1891, стр. 54, сноска 1.

² П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке, стр. LXXI.

³ Подробнее см.: А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка. Л., 1941, стр. 134, сноска 1; А. П. Поцелуевский. Проблемы стадияльно-сравнительной грамматики тюркских языков. I. Посеивные предложения и проблема генезиса личных форм имперфекта. Изв. Туркменского филиала АН СССР 1946, № 3—4, стр. 6—7; В. М. Жирмунский. Развитие категории частей речи в тюркских языках по сравнению с индо-европейскими языками. ИАН СССР, Отд. литературы и языка, 1945, вып. 3—4, стр. 124—125.

⁴ П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке, стр. LXX.

⁵ В. М. Насилов. Типологические черты уйгурского языка. Труды Московского института востоковедения, вып. 3, 1946, стр. 130.

⁶ Н. К. Дмитриев. Строй тунгусского языка. Л., 1939, стр. 35; Он же. Грамматика кумыкского языка. Л., 1940, стр. 107—108; Он же. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 141. Ср.: В. М. Жирмунский, ук. соч., стр. 124.

⁷ Ук. соч., стр. 3—7.

⁸ Там же, стр. 6.

тельного склонения.¹ Весьма вероятно, что формы, о которых идет речь, являются наречиями, деепричастиями, образованными с помощью аффикса принадлежности: *älä-tä* (-*tä* = -*cu*); ср.: *эрте-си үн* 'на следующий день', *акшам-лар-ы* 'по вечерам'.

Как уже было сказано выше, при анализе состава этой формы, кроме разъяснения вопроса о происхождении и значении аффикса *-ды*, необходимо объяснить оформление 1-го л. мн. ч. аффиксом *-к*. А если принять гипотезу П. М. Мелиоранского, то, как замечает А. П. Поцелуевский,² придется еще объяснить, почему в парадигме этой формы стоит, например, *акынды* вместо ожидаемого *акындысы* (-*сы* — аффикс принадлежности 3-го л. ед. ч.). Хотя, с другой стороны, В. М. Насилов совершенно основательно указывает, что «глагольное имя на *di*, встречающееся в прошедшем объективном времени... в третьем лице сохранило именную структуру того периода, когда оно еще не имеет специфического показателя третьего лица. В первом и втором лице, образующихся через форму третьего, имеются притяжательные местоименные показатели».³

П. М. Мелиоранский, критикуя предположения О. Н. Бётлингга и других, объяснял оформление 1-го л. мн. ч. аффиксом *-к*, вместо «более правильного», по его мнению, аффикса *-мыз*, тем, что «оно (окончание *-к*, — *А. К.*) было перенесено... в прошедшее категорическое из какой-нибудь другой формы по закону так называемой „аналогии“».⁴ П. М. Мелиоранский почему-то ни слова не говорит о горячей полемике, происходившей между Бётлинггом и Шоттом, по поводу объяснения оформления 1-го л. мн. ч. в интересующей нас форме. Бётлингг считал, что личное окончание в этой форме в 1-м л. мн. ч. отсутствует. Шотт в своих замечаниях на рецензию Бётлингга на грамматику Казем-Бека сопоставляет аффикс *-к* (в составе аффикса *-дык*) с показателем множественного числа в финских языках (в некоторых случаях), указывая при этом, что «в данном случае оно (*-к*), наряду с множественным числом, еще заменяет выпавшее перед ним местоимение».⁵ В ответ на это замечание Бётлингг язвительно, но без аргументации, высказывается против предположения Шотта.⁶

В. М. Насилов полагает, что «в первом лице множественного числа имеется... специфический „классный“ показатель *q, k*, который является формативом словообразования для многих имен, происходящих от глагольной основы».⁷

Н. К. Дмитриев считает, что аффикс *-к* (*-ык*), поскольку он функционально соответствует аффиксу *-мыз*, «является третьим показателем мно-

¹ См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования.

² Ук. соч., стр. 6.

³ В. М. Насилов, ук. соч., стр. 129.

⁴ П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке, стр. LXXI—LXXII.

⁵ Schott. O. Böhlingk. Kritische Bemerkungen zur zweite Ausgabe von Kasem-Bek's türkisch-tatarischer Grammatik... Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, Bd. VIII, herausgegeben von A. Erman, Berlin, 1850, стр. 33—34.

⁶ O. Böhlingk. Entgegnung auf einen Artikel von Herrn Schott... Mélanges Asiatiques, t. I (1849—1852), стр. 204.

⁷ В. М. Насилов, ук. соч., стр. 129, см. еще стр. 130.

жественности в тюркских языках после *-лар...* и после *-ыз*.¹ Но почему 1-е л. мн. ч. оформляется так необычно и почему аффикс множественного числа получил возможность функционировать как выразитель предиката и субъекта, каковым является аффикс *-к*, — не объясняется.

А. П. Поцелуевский, сопоставляя формант 1-го л. мн. ч. *-дык* с енисейско-орхонской формой 2-го л. ед. ч. *-дыз* и привлекая формы типа: *мйн жармак тир-дүк* 'я деньги собрал', *биз ја кур-дук* 'мы лук натянули', зарегистрированные в «Словаре» Махмуда Кашгарского, приходит к выводу, что «образование личных форм тюркского имперфекта (= прошедшее-категорическое время, — А. К.) происходило в условиях контаминации двух разных типов предложения: поссессивного, на базе которого возникло большинство личных форм имперфекта по схеме [(алты || алдык)+ым] > > алдыгым > *алды : м > алдым и т. д., и простого номинально-предикативного, реликтом которого, помимо современной формы 1-го лица множественного числа, является также... упомянутая выше форма 2-го лица единственного числа в языке енисейско-орхонских надписей» (стр. 5). И далее, А. П. Поцелуевский замечает: «исторически форма 1-го лица множественного числа имперфекта с показателем *-дык || -дик* является не чем иным, как отглагольным именем или, вернее, причастием в предикативной позиции с нулевым показателем предикативности» (стр. 5).

Стройное построение разъяснения состава интересующей нас формы, предложенное А. П. Поцелуевским, имеет две слабые стороны, а именно:

1) енисейско-орхонские формы 2-го л. ед. ч. (*алдыз*) и 1-го л. мн. ч. (*алдык*) не могут быть генетически возведены к одной форме, так как форма типа *алдыз* возникла из формы *алдың* в результате разложения звука *ң* (*нг*) на *н+г* (*з*): *алдың || алдыз: алдым* 'ты взял'; ср. еще: *јалмыз || узб. јалбыз: тур. јалмыз* 'одинокий', и т. п.;

2) нет ответа: почему именно 1-е л. мн. ч. имеет «нулевой показатель предикативности», что, как известно, характерно и закономерно только для 3 л. ед. ч.?

Перехожу к изложению моей попытки анализа состава формы прошедшего-категорического времени.

Формообразующим элементом этого времени я, как и некоторые мои предшественники, считаю аффикс *-ды*, но, в отличие от моих предшественников, я рассматриваю аффикс *-ды* как древнюю форму аффикса принадлежности 3-го л. (= совр. *-сы*).

Аффикс *-ды || -сы*, в свою очередь, с значительной долей вероятия восходит к указательному местоимению *iti* (*itin*) 'вот этот', 'тот', 'там (не далеко)', 'вот', сохранившемуся в якутском языке.² Фонетическая разновидность этого местоимения зарегистрирована в современном ойротском

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 142.

² Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, IV, стр. 980—981. См. еще: W. Kotwicz. Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936, стр. 52, 53.

языке в форме *ту* 'вот тот',¹ которой в других тюркских языках соответствуют *шу, су*. Соответствие *т(д) || ш:с* достаточно широко известно; одним из свидетельств этого фонетического явления может служить, например, форма возвратного местоимения *кәнси* наряду с общеизвестной *кәнді*² и форма 3-го л. ед. ч. повелительного наклонения: якутское *көр-сүн*³ = в других тюркских языках *көр-сүн*. В этом предположении меня укрепляет еще и парадигма спряжения этой формы в якутском языке:

	Ед. ч.		Мн. ч.
1-е л.	<i>бытым</i>	'я резал'	<i>бытыбыт</i>
2-е л.	<i>бытың</i>		<i>бытыгыт</i>
3-е л.	<i>быта</i>		<i>бытылар</i>

Форма 3-го л. ед. ч. *быта* 'он резал' состоит из основы глагола *быс* 'резать' и аффикса *-та*, который совершенно очевидно идентичен с аффиксом принадлежности 3-го л. ед. ч.: *аба-та* 'отец-его'.⁴

С другой стороны, материал некоторых других языков дает пример совершенно аналогичного построения, так: «исследователи алеутского языка отмечают, что от значительного количества основ можно образовать как именную форму, так и глагольную. Имя может изменяться по лицам; ср.: «ула-н» 'дом мой', «ула-н» 'дом твой'; глагол получает такие же притяжательные окончания: «сикун-н» 'я делаю его', «сикун-н» 'ты делаешь его' и т. д.»⁵

Приняв как вполне возможное, что аффикс *-ды* = современному аффиксу *-сы* (в значении аффикса принадлежности 3-го л. ед. ч.), нам остается разъяснить, как сочетание основы глагола с аффиксом принадлежности 3-го л. получило значение *verbum finitum* и именно прошедшего времени.

Тюркские языки, вероятно еще сравнительно недавно, не различали, как в отдельных случаях не различают и теперь, именные и глагольные основы. В «чистом» виде, т. е. до известных грамматических изменений, именные и глагольные основы представляли собою одну «часть речи»; ср. современные формы: *тај* 'пир || насыщайся'; *уј* 'дом || складывай', *әскі* 'старый || старей'; *там* 'вкус || пробуй на вкус', *йоч: көч* 'кочевка || кочуй', *шиш* 'шишка || пухни' и др.

Аффикс *-ды* в сочетании с «именем-глаголом» образовал форму, указывающую на принадлежность «предмета-действия» «коллективному лицу», а сама идея прошедшего времени, другими словами сама констатация факта совершения действия, т. е. превращение «имени-глагола» в сказуемое, осуществлялась и осуществляется с помощью аффикса принадлежности *-ды*, восходящего, как сказано, к указательному местоимению *иті (ісі): ту*,

¹ Ойротско-русский словарь. Составили Н. А. Баскаков и Т. М. Тощакова. М., 1947, стр. 157.

² W. Radloff. Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus, стр. 30.

³ Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, стр. 186.

⁴ Там же, стр. 90, 193.

⁵ И. И. Мещанинов. Глагол. М.—Л., 1948, стр. 33.

су, шу, которое — как указывающее на предмет удаленный ('вон тот') — получило возможность выражать прошедшее время. Да и сам факт «принадлежности» утверждал уже о действии в его прошлом.

Эта форма выражает, как правило, действие однократное, законченное, т. е., в соответствии с своим строением, устанавливает только факт совершения действия-состояния, не рассматривая его в движении.

Форма типа *jaz+ды*, закрепившаяся, по современному счету, за третьим лицом, стала «временной основой», на которой впоследствии (с развитием категории принадлежности в социальном и грамматическом аспектах) образовались формы прочих лиц.

Прошедшее категорическое, равно как формы современного условного наклонения, а также формы на *-дык* || *-(j)аджак, -кан: -бан* (в атрибутивно-субъектно-объектном использовании), являются формами, свидетельствующими о том, что в тюркских языках сравнительно недавно господствовал притяжательный (поссесивный) строй спряжения, позднее (видимо относительно недавно) наряду с ним (и из него же) стал развиваться строй местоименный; притяжательные местоимения уступили место (часто только путем переосмысления) местоимениям личным, причем личные местоимения еще до сих пор носят на себе родимые пятна притяжатель-

ного строя; ср.: личные местоимения $\frac{b\ddot{a}}{m\ddot{a}}$ + *н*, *с\ddot{a}* + *н*, где *-н* — формант принадлежности; ср. еще формы личных местоимений в якутском языке: *биһиги, эһиги*.¹

Еще одним примером образования с помощью аффиксов принадлежности изменяющейся по лицам глагольной формы является повелительное наклонение, что было почти 100 лет тому назад установлено русским академиком О. Н. Бётлингком.² Аффиксы принадлежности *-ың, -ың + ыз, -сын* и их фонетические варианты в сочетании с «именем-глаголом», которое (сочетание) сопровождается переносом ударения на «имя-глагол», образуют формы повелительного наклонения.

Теперь обратимся к разъяснению формы 1-го л. мн. ч. с аффиксом *-к, -к*.

Аффикс *-к, -к* как личный показатель 1-го л. мн. ч. встречается в формах: прошедшего категорического времени — *i-di-k* 'мы были', *jaz-dы-k* 'мы (на)писали'; настоящего времени условного наклонения — *jaz-ca-k* 'если мы (на)пишем'. Кроме того, в азербайджанском языке, а также в некоторых туркменских и анатолийско-турецких диалектах, все времена в 1-м л. мн. ч. имеют личным показателем аффикс *-к, -к*.³ С другой стороны, имеются языки и диалекты, использующие аффикс принадлежности *-мыз* или безразлично употребляющие обе формы: *jaz-dы-k* || *jaz-dы-мыз*.

¹ Л. Н. Харитонов, ук. соч., стр. 154—156.

² О. Böhlingk. Ueber die Sprache der Jakuten. СПб., 1851, стр. 170.

³ Аффикс 1-го л. мн. ч. желательной (повелительной) формы, имеющий в своем составе (в большинстве языков тюркской системы) элемент *-к*: *бар + алык: бар + айлык: бар + айык; бар + мах* (якутск.) 'пойдем-ка', не имеет ничего общего с аффиксом *-к*, представленным в выписанных выше примерах.

Аффикс *-k* в формах типа *яздык, язсак*, так же как и аффиксы *-м, -ң* (*-н, -б*), *-ңыз*... в формах *яз-ды-м, яз-ды-ң*... , передает также принадлежность; самостоятельно значение принадлежности, присущее аффиксу *-k, -к* при использовании его в качестве показателя 1-го л. мн. ч., легко прослеживается в некоторых парных частях тела: *жан-а-к* 'щека — щеки', *ај-а-к* 'нога — ноги', *біл-ә-к* 'кисть руки', *кул-а-к* 'ухо — уши', *дуд-а-к* 'губа — губы', *бадж-а-к* 'голень', *таш-а-к* 'testicule', *быј-ы-к* 'ус — усы'.

Следует иметь в виду также возможность сопоставления аффикса *-к* с аффиксом *-күйн, -күн*, выражающим собирательность-множественность.¹

Характерно, что другие парные части образованы с помощью аффикса двойственного числа *-з*: *і-з* 'глаз — глаза', *ауы-з* 'рот', *ому-з* 'плечо — плечи', *і-н-й-с(-з)* 'грудь', *бајн-у-з* 'рог — рога', *ді-з* 'колени — колени', *ік(к)і-з* 'близнецы', 'двойня' и др. Может быть сюда же следует отнести также: *сәк-і-з* 'восемь', *док-у-з* 'девять', *от-у-з* 'тридцать', *јү-з* 'сто', 'лицо', ср. *бән-і-з* 'лицо'.

Аффикс *-k, -к* заслуживает специального исследования, так как он встречается в составе многих отглагольных имен существительных и прилагательных, входит в состав уменьшительного аффикса и т. п. Но, тем не менее, совершенно бесспорным следует признать использование аффикса *-k, -к* для выражения парности-двойственности, связанной с неотчуждаемой принадлежностью (парные части тела). Следовательно, на этом основании можно установить, что аффикс *-k, -к* есть формант, выражающий принадлежность в двойственно-собирательном значении, т. е., другими словами, это аффикс принадлежности множественного числа в современном понимании этого термина.

Теперь следует разрешить два вопроса, связанные с использованием аффикса *-k, -к*, а именно:

1) почему аффикс *-k, -к* получил возможность функционировать в качестве показателя лица и числа?

2) какая форма 1-го л. мн. ч. — *-ды-к* или *-м-ыз* — древнее?

Начнем со второго вопроса. П. М. Мелиоранский считал, что *«k* (или *к*) в 1-м л. мн. ч. явилось несомненно в сравнительно более позднее время, ибо в орхонском диалекте окончание 1-го л. мн. ч. есть *-мыз, -міз*; в якутском наречии... окончанием для первого числа тоже служит не *к*, а *быт, біт, бут, бүйт»*.²

Отсутствие в орхонских памятниках и якутском языке аффикса *-k, -к* не может быть принято в качестве аргумента, категорически отвергающего любое другое предположение.

Свидетельства древних памятников, равно как и отдельных языков, могут приниматься только как факты позитивные; никаких негативных заключений, на том основании, что то или иное явление отсутствует в памятниках, сделать нельзя.

¹ А. Н. Кононов. Опыт анализа термина түрк. Советская этнография, 1949, № 1, стр. 44.

² П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке, стр. LXX—LXXI.

Спряжение, использующее в 1-м л. мн. ч. аффикс *-м-ыз*, представляет безусловно позднейшее явление, которое могло возникнуть только тогда, когда вся система приняла строгий симметричный характер:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	-м	-м-ыз
2-е л.	-ң	-ң-ыз

Что же касается формы с показателем 1-го л. мн. ч. *-к* (форма типа: *яз-ды-к*), то она могла возникнуть только до образования форм 1-го и 2-го л. ед. ч., т. е. до образования «индивидуально-личного» спряжения, и закрепилась за 1-м л. мн. ч. (по современному счету) как противопоставление форме типа *яз-ды*.

Теперь мы подошли к ответу на первый вопрос. Первоначально форме типа *яз-ды* противопоставлялась форма типа *яз-ды-к*, т. е. та же форма, но снабженная собирательно-притяжательным аффиксом *-к*. Эта форма выражала, конечно, не множественное число в современном понимании, а скорее собирательную форму (по функции аффикса *-к*), обозначающую племя, коллектив целиком, выражающую «мы» в собирательно-притяжательном значении «все мы». Весь этот ход рассуждений вполне применим и для объяснения формы условного наклонения *яз-са-к*.

Все это дает достаточные основания говорить о том, что форма типа *яз-ды-к* (равно как и *яз-са-к*) возникла еще до образования «личного» спряжения, а в дальнейшем, в парадигме «личного» спряжения, она закрепилась, в полном соответствии с своей семантикой, за 1-м л. мн. ч. Следовательно, представленное в орхонских памятниках и некоторых живых тюркских языках «симметричное» спряжение *яз-ды-м — яз-ды-м-ыз* есть явление более позднее, морфологическим фундаментом для которого послужила та же форма *яз-ды*.